Анна Вит

Вит. Дом, где говорят молча

18+

Анна Вит

Вит. Дом, где говорят молча

https://litres.ru/74789618
SelfPub; 2026

Аннотация

После испытаний в Багдаде Маргарит и Вэлент оказываются в доме рода Вит. Здесь слова заменяют жесты и магия: кольца светятся цветом чувств, купола защищают от чужих глаз, а семейные ритуалы держат паутину связей крепкой.

Маргарит предстоит пройти посвящение, научиться понимать язык без слов и решить для себя: готова ли она разделить судьбу мужчины, чья сила может разрушить всё вокруг? Это история о том, как любовь проверяется не словами, а выбором каждый день; о семье, где молчание хранит тайны, а связь крови сильнее любой опасности.

В этом мире мужчина — Свент, женщина — Живица. Их союз становится испытанием силы и доверия. Маргарит учится понимать мужа, чувствовать его через кольцо, принимать правила рода. Ей предстоит узнать, что значит быть частью семьи, где каждое слово имеет цену, а молчание говорит громче любых признаний.

«Дом, где говорят молча» — это глубокое семейное полотно о любви, долге и принятии своего пути, где магия служит лишь отражением внутреннего мира героев.

Содержание

Часть 1. Марсель: Возвращение 10
Глава 1. 10
Глава 3. Правила дома 18
Глава 5. 29
Глава 7. О 39
Глава 8. Круг единения 46
Глава 9. Море и тишина 50
Глава 10 53
Часть 2. Париж: Обещание 61
Глава 11. Город света 61
Глава 12. Феникс над Сеной 64
Глава 13. Нежный «Купидон» 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Вит. Дом, где говорят молча

Книга 2. Вит. Дом, где говорят молча

Оглавление
Часть 1. Марсель: Возвращение
Марсель — соль и ветра
Порог тишины
Правила дома
Маргарит и Даниэль. Нити
Дети рода
Семейный круг
Мишель и Маргарит. Что скрыто от глаз
Первый ужин
Море и тишина
Братьями. Тренировка
Часть 2. Париж: Обещание
Город света
Феникс над Сеной
Нежный «Купидон»
Часть 3. Марсель: Семейный круг
Ужин. Круг силы
Артефакты семьи
Совет старейшин
Наставления

Ночной вызов
Разговор о главном
В чаше рода
Перед отлётом
Часть 4. Монреаль: Испытание
Белое безмолвие
На могиле Мелани
Порог испытания
Маргарит и Мария. Память о Мелани
На крыльце. Сердце остановилось
Видение
Пульс
Чёрное кольцо
Сила золота и чаша рода
Отец и сын. Прощение
Семейный ужин. Тост за память
Медицинская тайна. Разговор с Мишелем
Женская мудрость Маргарит с Рози
Конная прогулка братьев
Память
Снежный бой
Толкование видения
Разговор с Шоном.
Посвящение Маргарит
Снятое кольцо
Совет старейшин. Закрытое заседание

Совет старейшин. Вэлент и Маргарит
У окна
Алессандро и Вэлентайн. Мужской разговор
Грань «Купидона»
Путь в Бостон
Приложение. «Род Вит»
Часть 1. История рода и компании «Houm»
Откуда пошли Виты
Марсель: начало семейного дела (1945)
Монреаль и Бостон: расширение империи (1960–1980)
Санкт—Петербург и Шарджа: новые горизонты (1980–1990)
Часть 2. Структура управления родом
Совет старейшин (на момент действия второй книги — 2001 год)
Филиалы компании «Houm» и их руководители
Часть 3. Семьи и поколения (по состоянию на 2001 год)
Родословное древо (основные линии)
Основные семьи и их представители (активные во второй книге)
Цвета уз (свечение колец) и их значение

Предисловие к книге второй

Эта история — не продолжение.

Хотя вы снова увидите тех же людей: Вэлента, который учится быть человеком, а не оружием; Маргарит, которая учится быть женой, а не гостьей; и род Вит, который живёт

по законам, написанным задолго до их рождения.

Эта история — не о любви.

Хотя она начнётся там, где закончилась первая: с кольца, надетого не по любви, но ставшего судьбой. С женщины, которая сказала «я остаюсь», и мужчины, который ответил «я не держу». С брака, который должен был быть временным, но оказался на год — без права на развод.

Эта история — о тишине.

О доме, где говорят молча. Где слова — редкость, а поступки — язык. Где мужчины не умеют говорить «люблю», но умеют умирать за тех, кого любят. Где женщины не задают вопросов, но умеют читать ответы в свечении колец. Где дети рождаются с даром, который может спасти мир — или разрушить его, если рядом не окажется наставника.

В первой книге вы видели, как Вэлент прошёл через Багдад — через плен, через бой, через смерть. Вы видели, как он сломал столик в ярости и поднял озеро в любви. Вы видели, как он снял кольцо и ушёл — и как Маргарит надела его обратно.

Теперь вы увидите другое.

Вы увидите Марсель — дом, где выросла его мать, где каждое дерево помнит её смех, а камень у обрыва — её последний вдох. Вы увидите Монреаль — снежную усадьбу Шона, где сердце Вэлента остановится во второй раз. И вы увидите Бостон — город, где всё началось, и где всё может закончиться.

Вы увидите род Вит не как силу, а как семью. С её ссорами и примирениями, с её тайнами и жертвами, с её женщинами, которые держат на себе мужчин, и мужчинами, которые держат на себе мир.

Вы увидите, как Маргарит учится видеть — не глазами, а сердцем. Как она учится понимать цвета — красный гнева, зелёный нежности, золотой связи, белый целостности. Как она учится молчать — потому что иногда молчание говорит громче слов.

И вы увидите, как Вэлент учится говорить — не словами, а присутствием. Учится быть рядом, не подавляя. Учится любить, не сгорая. Учится жить с даром, который делает его опасным — и с женщиной, которая делает его человеком.

Этот дом стоит на краю моря. В нём пахнет соснами и солью, в нём говорят на четырёх языках, и в нём молчат на одном — на языке рода.

Здесь кольца светятся в темноте, и по их цвету можно прочесть судьбу.

Здесь дети рождаются с малахитом под ключицей, и их первый крик — это первый звук, который слышит род.

Здесь женщины — не просто жёны и матери. Они — якоря. Компасы. Хранительницы равновесия.

Здесь мужчины — не просто мужья и отцы. Они — мечи. Щиты. Те, кто умеет умереть, но не умеет сдаться.

Добро пожаловать в дом, где говорят молча.

Здесь любовь — это не слова. Это выбор. Каждый день.

Каждый час. Каждую секунду.

И если вы готовы услышать тишину — она расскажет вам больше, чем любые слова.

Книга вторая. Дом, где говорят молча.

Марсель — Монреаль — Бостон.

2001 год.

Часть 1. Марсель: Возвращение

Глава 1.

Марсель — соль и ветра

Джет коснулся полосы мягко, почти невесомо. Маргарит прильнула к иллюминатору, вглядываясь в расплывчатые огни аэропорта Мариньян, и поймала себя на странном ощущении: она выныривает. Четыре месяца Багдада давили на барабанные перепонки — не только пылью и жарой, но постоянным, фоновым напряжением, которое стало привычным, как собственное дыхание. А здесь, в прозрачном, прохладном воздухе французского утра, это напряжение вдруг отпустило, и стало почти физически больно от внезапной легкости. Она сделала глубокий вдох — и вдруг поняла, что впервые за четыре месяца дышит полной грудью. Словно багдадская пыль, осевшая в лёгких, растворилась в этом солёном, прозрачном воздухе.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Кто я теперь? В Багдаде всё было просто: опасность, он, выживание. А здесь… Она коснулась живота. Мой сын. Это опора. Или заложница?

В проходе показался Вэлент. Он вышел из кабины, где провёл последние часы за штурвалом, опустился в соседнее

кресло, взял её руку в свою.

— Прилетели, — сказал тихо.

В салоне уже суетилась Мария, собирая пледы. Себастьян, улыбаясь, помогал ей, и их синхронные, отточенные движения казались частью давно заведённого ритуала.

Пограничный контроль прошли быстро. У выхода стоял знакомый «мерседес».

— Домой? — спросил Себастьян, усаживая Марию на переднее сиденье.

— Да, — коротко ответил Вэлент, открывая заднюю дверь для Маргарит. — Но сначала… остановись у поворота.

Машина нырнула в пригород. Марсель встречал её прозеленью сосен, белизной вилл, синевой неба, которая здесь казалась живой, глубокой. Пахло морем.

Вэлент сидел рядом, напряжённый. Кольцо пульсировало ровно, но с едва уловимым сбоем.

— Здесь красиво, — сказала она, чтобы нарушить тишину.

— Да, — ответил он, не глядя на неё. — Мама любила свой родной город.

Машина свернула с основной трассы и поползла по серпантину, спускающемуся к Лионскому заливу. Маргарит смотрела на бирюзовую воду, белые яхты вдали, красноватые скалы — и вдруг почувствовала, как напряглась рука Вэлента.

— Останови здесь, — попросил он брата.

Себастьян прижался к обочине. Вэлент вышел из машины. Маргарит хотела последовать за ним, но Мария, обернувшись с переднего сиденья, мягко коснулась её:

— Подожди. Ему нужно побыть одному.

— Что здесь?

Мария помолчала, глядя на брата, который стоял на краю обрыва, вцепившись в ограждение.

— Здесь мама погибла. Год назад. Гололёд, машину занесло… — Она сглотнула. — Он не был на этом месте.

Маргарит смотрела на мужа. В его фигуре, в том, как он стоял — неподвижно, глядя вниз на спокойную гладь залива, — было столько боли, что у неё самой защипало в груди. Багдад, с его опасностями и испытаниями, казался сейчас далёким и почти неважным. Здесь была другая борьба, которую он вёл в одиночку.

Маргарит все же вышла из машины и встала рядом, не касаясь. В руках Вэлента она заметила небольшой букет белых лилий — откуда он взял его в машине, она не поняла.

Он опустился на колени, положил цветы на обочину, туда, где асфальт переходил в гравий, и закрыл глаза и рукой касался резиновый черных полос на асфальте, словно он пытался считать, что же здесь произошло. Глаза слегла блестели, а губы его шевелились беззвучно.

Она смотрела на него и вдруг почувствовала не просто сочувствие — почти физическую боль от его одиночества. Он потерял мать. Ту, кто, как она теперь догадывалась, была для

него последней надеждой. На что? Она не знала, но чувствовала: эта потеря — ключ ко многому.

— Я знаю, каково это, — сказала она тихо. — я почти не помню своего отца. Но внутри пусто.

Вэлент вздрогнул. Не обернулся, но она увидела, как напряглись его плечи.

— Мама верила, что я смогу быть с тем, кого люблю, — сказал он глухо. — А потом…

Он не договорил. Маргарит не стала спрашивать. Она просто положила руку ему на плечо — и почувствовала, как он медленно, тяжело выпрямляется.

— Ты не виноват, — сказала она. — Ни в её смерти. Ни в том, что не успел.

Он повернулся, и она увидела в его глазах ту самую зловещую синеву, которую научилась узнавать. Не опасную. Глубокую и возмутимую, как море внизу. Синеву памяти. И что —то ещё, чему она не находила названия. Боль? Благодарность? Или чувство вины, которое он не мог разделить? Да и злость?

— Поехали, — сказал он тихо и немного резко.

В машине никто не проронил ни слова. Себастьян плавно тронулся с места, и Маргарит, прижимаясь к плечу Вэлента, смотрела, как за окном проплывают кипарисы и сосны, как солнце пробивается сквозь нависших облаков, как впереди, на самом краю земли, показывается крыши белых домов.

Опасность уходила, отступала за горизонт вместе с баг-

дадской атмосферой. Впереди была семья Вит. И Маргарит вдруг остро, до дрожи, поняла: в этом мире, где Вэлент так легко становился «шайтаном» и «спасителем», где мужчины говорили молча, а женщины хранительницы рода, её то же ждёт не менее трудное испытание, чем Багдад.

Глава 2.

Порог тишины

Полчаса спустя машина въехала на территорию восхитительной виллы. Участок оказался каскадным, спускающимся к морю, с множеством построек, среди которых выделялись два дома в стиле французского Прованса — старый и новый, но оба с характерными для этого направления чертами.

Первый, расположенный выше по склону, был сложен из дикого камня, с годами потемневшего до медово-серого оттенка. Его фасад утопал в бугенвиллеях, а маленькие окна с деревянными ставнями придавали ему вид уютного сельского маза.

Второй дом, куда направилась машина, стоял ближе к воде. Двухэтажный, выкрашенный в белый цвет, с высокой мансардной крышей и ярко-голубыми ставнями, он выглядел более парадным. Балконы с коваными перилами придавали зданию легкость и изящество. Густые кроны пиний и оливковых деревьев создавали приватность, отгораживая виллу от соседних участков. В центре двора располагался бассейн, который в это время года еще не был наполнен водой, а рядом с ним — длинная, изящно изогнутая открытая

беседка, увитая плющом.

Маргарит почувствовала, как воздух вокруг стал плотнее. Словно они пересекли невидимую границу.

— Это купол защиты, — тихо сказал Вэлент, не оборачиваясь. — Он работает всегда. А после двух часов дня отец поставит еще и купол тишины. Тогда нас никто не услышит.

Их ждали. Мария, как хозяйка, принялась раздавать распоряжения. Вэлент повёл Маргарит в дом.

Они поднялись на второй этаж, и он открыл дверь в комнату. Маргарит переступила порог и замерла.

Его комната. Стены серо-голубые. Высокое окно. Она прошла вдоль стены, касаясь корешков книг. На полке — фотографии: Мария маленькая, женщина со светлыми глазами, Вэлент с Максом, подростки, со скрипкой в руках.

Она вытянула один наугад — сборник стихов Есенина. Пролистала. Между страниц выпала фотография. Девушка на мотоцикле. В кожанке. Смеющаяся. Живая. Маргарит задержала дыхание. Вложила фото обратно. Задвинула книгу.

Она обернулась. Вэлент стоял у окна, засунув руки в карманы.

— Ты здесь вырос, — сказала она тихо.

— Каждое лето подростками. Потом реже.

Она подошла к комоду, где стояла фотография Вэлента на яхте.

— Ты часто ходил в море?

— Есть такое. Яхта проста в управлении. Я люблю одино-

чество, — и посмотрел на нее, — или дома.

Она взяла в руки маленькую шкатулку из тёмного дерева. Открыла — внутри лежала старая открытка с видом Марселя и детским почерком: «Маме от Вэла. Спасибо за море».

У неё перехватило горло. Тоска. Хватит.

— Я, когда сюда прилетала в прошлом году, останавливалась у дяди Антуана. И одну ночь — в гостинице. — Она повернулась к нему. — Почему ты тогда отвёз меня в гостиницу, а не к дяде?

Он замер.

— Не хотел, чтобы дядя тебя видел…

— Пьяной? — перебила она.

Он молчал. Смотрел мимо неё. Потом медленно:

— Мысль была и другая. Ты всегда меня притягивала.

— И ты поэтому держал дистанцию? — спросила она.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько всего, что она не смогла разобрать.

— Я был свободен, Мегги. А ты нет!

Она шагнула к нему, остановилась в полушаге. Положила ладони ему на спину. Он замер — всего на долю секунды, но она уловила это напряжение. Плечи под её пальцами стали жёсткими, словно он готов был отстраниться.

— Я усложнила всё, — выдохнула она. — Если бы я сказала тебе тогда... о Томе.

— Не думай об этом, — перебил он. — Что сделано, то сделано.

Он отвернулся, подошёл в гардероб, расстёгивая рубашку и переодевался. Маргарит заметила, что внутри висят только его вещи.

— Ты устала? — спросил он, не оборачиваясь. — Могу лечь в другой комнате.

— Нет, не надо. Мы женаты.

Он обернулся. Посмотрел на неё. Долго. — Тогда я здесь, — сказал он тихо. И кивнул на кровать. На свою сторону. — Теперь всегда вместе.

Она достала из чемодана платье, переоделась и прилегла на кровать, рядом с ним. Его дыхание становилось ровным и глубоким — он проваливался в сон.

Она лежала неподвижно, глядя на солнечные блики на потолке. В голове крутились его слова: «Я был свободен, а ты нет». И фотография девушки на мотоцикле... Она не хотела думать о ней, но образ застрял под веками.

Осторожно, чтобы не разбудить его, она выскользнула в коридор.

Глава 3. Правила дома

Спускаясь по лестнице, она уже слышала голоса — живые, перемежающиеся смехом. Русская речь вперемешку с французской лилась легко и быстро.

На кухне кипела жизнь. Мария, в фартуке поверх лёгкого платья, что-то оживлённо рассказывала, ловко нарезая овощи. Себастьян стоял у плиты, помешивая в сотейнике, и то и дело оборачивался к ней — не потому что требовалось по делу, а просто чтобы взглянуть, улыбнуться. Из открытого окна тянуло свежестью и запахом моря.

Мария обернулась:

— Вэл уснул? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказала она. — А тебе не спится?

— Уснул. Он дома. А я не могу, — призналась Маргарит, подходя ближе.

— Ты сердишься на него? — спросила Мария тихо.

Маргарит помолчала.

— Немного. Всё так быстро происходит, что я не успеваю осмыслить.

Мария кивнула.

— Помочь? — спросила Маргарит, подходя к столу.

— Вот, режь картофель. Лучшее средство от лишних мыслей — занять руки.

Маргарит взялась за нож. Ритмичный стук и шорох кожи-

цы успокоили, отпустили напряжение.

— А где же ваши помощники? — спросила она, откладывая очищенную картофелину. — Я думала, в таком доме должна быть прислуга.

— Есть, конечно. Но только до двух часов дня. После обеда в доме не должно быть чужих. Правила.

— Почему?

— Потому что после двух мы становимся... собой. Мужчины ставят купол тишины. Это такой защитный барьер — никто снаружи не может нас ни услышать, ни подслушать. Мы можем говорить о чём угодно, не боясь, что тайны рода утекут наружу.

— И поэтому вы сами готовите?

— И поэтому тоже. Готовить вместе — это наш способ быть семьёй. Когда режешь овощи, мешаешь соус — ты наполняешь дом жизнью.

Себастьян обернулся и добавил с улыбкой:

— И потом, когда приходят гости, на кухне всегда собираются самые интересные разговоры.

— И обсуждаешь многие дела! Женский круг! Которые потом выносят на Совет старейшин.

— Что? — Маргарит замерла с ножом в руке.

— Маргарит, родом как компанией управляют, — Мария отложила овощи и вытерла руки о фартук. — Есть Совет старейшин — там мужчины. Они решают всё: финансы, профразвитие, браки, благосостояние каждого. Но ни одно

решение не принимается без женщин. Потому что женщина — это дом. Это тепло. Это равновесие. И если женщина против — решение не пройдёт. Негласно. Но всегда.

— И как это работает?

— Женский круг — это общение. Как сейчас. Через кухню. Мы готовим, или еще огородом или садом занимаемся. Обсуждаем все: от уюта, быта, образования, здоровья. Жены старейшин несут вопросы на Совет. И Совет — слушает и планирует.

— Потому что женщина — дом, — тихо сказала Маргарит, вспоминая слова Рози.

— Да. Ты быстро учишься.

Маргарит улыбнулась. Взгляд упал на подоконник. Томик Есенина. Она отвела глаза. Образ остался.

— Мария, — спросила она буднично, — а Вэл… он мотоциклами увлекается? Я помню, в Багдаде они с русскими инженерами о чём-то таком говорили.

Мария оживилась:

— О да! У них здесь в гараже несколько штук. Они с Алессандро, Давидом и Даниэлем часто гоняют по серпантинам. Это их способ… ну, выпустить пар. — Она замялась. Помешала соус. Посмотрела на Себастьяна. Тот чуть заметно покачал головой. — Вэл ещё в Петербурге в каких-то шоу мотоклуба участвовал, когда там учился. Там были свои истории.

— Какие истории? — Маргарит почувствовала, как внут-

ри что-то ёкнуло.

Мария замялась, отвела взгляд. Помешала соус. Посмотрела на Себастьяна. Тот — чуть заметно покачал головой. Но Мария уже поняла, что не отвертеться.

— Студенты. Молодые, горячие, холостые. Братья рассказывали, что у него был конфликт с однокурсником из-за девушки. Давно, ещё до всего. Сейчас-то он остепенился, ты же видишь. — Она усмехнулась, но в голосе чувствовалась неловкость.

— Какой девушки?

— Анны. Она сейчас замужем, и у них с Александром дети. Не переживай, это всё в прошлом.

Маргарит кивнула. Резала картофель. Нож стучал ритмично. Она смотрела в сторону. Думала. Но ответа не было. Только — тепло под сердцем. Только — его рука. Только — то, что он сейчас здесь. С ней.

Но сейчас он был здесь, с ней. И это — самое главное.

— У нас в Бостоне, — тихо сказала она. — Мама тоже готовит ужин. Я думала, откуда это.

— Ты сейчас будешь многое видеть и подмечать, — сказала Мария. — Твоя мама тоже впитала всё это. Ты дома.

— Дома, — повторила Маргарит. Медленно. Словно пробуя слово на вкус.

Мария посмотрела на неё. Долго. Улыбнулась.

— Правда. Ты просто ещё не распробовала.

— А если не захочу?

— Тогда мы будем скучать. Это твой выбор.

Маргарит снова взялась за нож, но теперь картофель резался легче, а на душе было светлее. Она здесь. С ним. С ними. И это только начало.

Себастьян подошёл. Поставил перед ней тарелку с овощами. Подмигнул:

— На вот. Подкрепись.

— Я не думаю, — соврала Маргарит.

— Ага. И я не повар. Только готовлю.

Мария засмеялась. Маргарит — тоже. И в этом смехе было что-то настоящее. Тёплое. Домашнее.

Глава 4

.

Даниэль.

Нити рода

В этот момент дверь на кухню распахнулась — без стука, без предупреждения, — и на пороге появился молодой человек.

Высокий, чуть выше Себастьяна, с идеальной осанкой. Русые волосы уложены с небрежной элегантностью, костюм сидит безупречно, даже в домашней обстановке. Лицо — яркое, живое, с правильными чертами. Глаза голубые, но не прозрачно-спокойные, как у Вэла, а с искорками, с хитринкой. Улыбка открытая, мальчишеская.

Он вошёл — и кухня зазвенела. Он заговорил — и воздух сдвинулся. Он улыбнулся — и стало легче дышать. Как будто

в закрытую комнату открыли окно. Как будто после долгого дождя выглянуло солнце. Как будто тишину разорвали — и в неё ворвался смех.

— Здравствуйте, — сказал он с лёгким поклоном, и его голос звучал мягко, с едва уловимым французским акцентом, когда он перешёл на французский: — Enchanté, Madame (Очень рад, мадам). — И тут же, без паузы, переключился на русский, чистый, почти без акцента: — Себастьян! Мария! А вы, значит, та самая Маргарит, о которой столько говорят?!

Мария, взвизгнув, кинулась ему на шею. Даниэль рассмеялся, закружил её по кухне, и Себастьян едва увернулся от летящей ложки. Кухня наполнилась смехом, топотом, возгласами «Attention à la cuillère!» (Осторожно, ложка!) и «Lâche-moi, petit frère!» (Отпусти меня, младший брат!). Они переходили с французского на русский и обратно так легко, словно для них это была одна речь.

Маргарит смотрела — и невольно сравнивала. Вэл, спящий наверху, — тихий. Глубокий. Как омут. Этот — яркий. Громкий. Как фейерверк. Один — молчит и смотрит. Другой — говорит и смеётся. Один — сдержит слово, пока не убедится. Другой — скажет сразу, что думает. Один — тишина. Другой — голос. И всё же — одна порода. Одна кровь. Одно имя. Просто — разные.

Даниэль наконец отпустил сестру, поправил идеально сидящий пиджак и повернулся к Маргарит. Его взгляд скользнул по ней с интересом, но без навязчивости — изучающе,

но тепло.

— Мой младший брат, — представила его Мария, всё ещё держась за его руку. — Даниэль. Двадцать шесть лет, между прочим, уже начинающий банкир. Отец у него казначей рода, так что Даниэль теперь в Марселе стажируется, вникает в семейные финансы. — Она подмигнула. — И очень этим гордится, хоть и не показывает.

— Я не горжусь, я просто компетентен, — парировал Даниэль с усмешкой. — А ты, сестрёнка, просто завидуешь, что я умнее тебя.

— Jamais de la vie! (Ни в коем случае!) — фыркнула Мария по-французски.

Маргарит улыбнулась их лёгкой перепалке, но вдруг вспомнила недавний разговор с Марией о кодах и способностях. Она посмотрела на Даниэля внимательнее.

Даниэль шагнул к Маргарит, взял её руку и, чуть склонив голову, коснулся губами тыльной стороны ладони. Жест был исполнен с такой естественной грацией, что Маргарит не смутилась, а скорее улыбнулась — в этом не было ничего навязчивого, только элегантное почтение.

— Очень рад познакомиться, — сказал он, поднимая глаза. — Я сразу понял, что вы не просто жена Вэла. В вас чувствуется сила. Такая... глубокая.

Он помедлил, не отпуская её руки, и Маргарит вдруг ощутила лёгкое, едва уловимое тепло — словно тонкая нить протянулась между ними и тут же растаяла. Даниэль чуть при-

поднял бровь, и в глазах его мелькнуло понимание.

— Ах вот оно что, — произнёс он с мягкой улыбкой. — Вас уже посвящают. И код! — Он покачал головой, словно восхищаясь. — Для женщины это впечатляющее. Редкость даже в нашем роду.

— Код? — переспросила Маргарит, хотя уже догадывалась, о чём речь.

Даниэль отпустил её руку. Между ними на миг мелькнула зелёная нить. И погасла.

— Видишь? — сказал он. — Своя. По крови. Но ещё не подключена.

— Почему?

— Ладана нет. Без него — связь тонкая. Временная. Коснулся — почувствовал. Отпустил — исчезла.

Маргарит переваривала услышанное. Значит, её код уже известен всей семье? И они могут это чувствовать? Мысль была одновременно пугающей и... успокаивающей. Пугающей — потому что исчезала возможность тайн. Успокаивающей — потому что исчезало и одиночество. Но главное — теперь она знала: началось. Но не закончилось. Скоро. Ладан. Паутина. Навсегда.

— Ты тоже тактильный эмпат?

— Все мужчины рода — эмпаты. Видят ауры. Читают эмоции. Это базовое. Но тактильный — другое. Это когда через прикосновение чувствуешь кровь. Родство. Связь. Эмоции — сильнее. Глубже. Тактильных — мало. Даже у нас. Вэл —

сильнейший. Я — слабее. Но — тоже.

Мария, стоявшая рядом, довольно улыбнулась:

— Я же говорила, Мегги, твоё посвящение в члены рода Вит началось. Привыкай — здесь все про всех знают чуть больше, чем хотелось бы.

Маргарит переваривала услышанное. Значит, её код уже известен всей семье? И они могут это чувствовать? Мысль была одновременно пугающей и... успокаивающей. Пугающей — потому что исчезала возможность тайн. Успокаивающей — потому что исчезало и одиночество.

— А что даёт на практике? — спросила она осторожно. — Я знаю, что Вэл может... ну, всё то, что он делал в Багдаде. А я?

Даниэль переглянулся с Марией, и та едва заметно кивнула.

— Твой код — это твоя сила, — сказал Даниэль. — Ты — Живица. Вэл — Свент. Вместе — вы сильнее, чем поодиночке. А ваши дети... — он посмотрел на неё. — У них будет колоссальный потенциал. Шон потому так на тебя и рассчитывал.

Маргарит почувствовала, как по коже побежали мурашки. Она знала, что беременна, знала, что Вэла наказывали, но не думала о своей роли в таком ключе. Значит, она не просто носит ребёнка — она несёт в себе будущее этой необычной семьи. И от неё действительно что-то зависит.

— Для рода? — переспросила Маргарит, чувствуя, как

внутри что-то ёкает от этих слов.

— Да. У всех — круг допуска.

— Круг? — переспросила Маргарит.

— Семь кругов, — сказал Даниэль. — Первый — дети. Седьмой — Глава. Ты пока на первом. Вэл — на шестом. Дальше — сама поймёшь. Через допуск. Через экзамен. Через испытание.

Даниэль говорил тихо, но каждое слово ложилось весомо.

— Вэл сейчас в опале. Но с вами он вернёт свои позиции. И все мы это понимаем.

— Не переживай, постепенно всему научишься, если захочешь, — добавила Мария. — У тебя свои возможности, и доступ через Вэла огромен.

Даниэль внимательно посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то — не насмешка, не давление, а скорее искренний интерес.

— А ты сама знаешь, зачем ты здесь? — спросил он тихо. — Не в Марселе. А вообще. В нашей семье.

Маргарит замерла. Смотрела в окно. Молчала. Кольцо на пальце холодело.

— Я... — начала она и запнулась.

— Ты не обязана отвечать мне, — мягко сказала Мария, касаясь её руки. — Но подумать стоит. Мы все через это проходили.

Даниэль кивнул, и его улыбка стала мягче:

— Здесь не бывает случайных людей. Если ты здесь —

значит, так надо. И не только ему. Тебе тоже.

— То есть я... не просто плыву по течению? — спросила она тихо, вспоминая свои недавние сомнения.

Даниэль усмехнулся, но в глазах его было тепло:

— В нашей семье никто просто не плывёт. Даже если кажется, что плывёшь, — течение здесь слишком сильное. — Он помолчал и добавил уже мягче: — Но вы справитесь. Я почему-то в этом уверен.

Мария, наблюдавшая за ними, довольно кивнула.

— Ну вот, а ты боялась, что не впишешься. — Она подошла и обняла Маргарит за плечи. — Ты наша. И код у тебя высок, как и у меня, но Вэлу нужна супруга.

Маргарит перевела дыхание. Вопрос Даниэля — «а ты знаешь, зачем ты здесь?» — всё ещё звучал в голове, но теперь в нём не было тревоги. Только вызов. И она чувствовала, что готова на него ответить.

— Спасибо, — сказала она просто. — Обоим.

Даниэль элегантно поклонился:

— Всегда пожалуйста, мадам. А теперь, с вашего позволения, я пойду спасать ужин. — И он направился к лестнице в подвал, на ходу перекидываясь парой фраз с Себастьяном по-французски.

Глава 5.

Дети рода

Когда Себастьян и Даниэль ушли в подвал за вином, Маргарит ещё несколько минут смотрела в окно, переваривая услышанное. За стеклом шумело море — ровно, глубоко, бесконечно. Вода шла к берегу, отступала, снова шла. Как будто дышала. Как будто жила своей, отдельной от людей, жизнью. И в этом ритме было что-то успокаивающее. Что-то, что говорило: всё будет. Всё уже есть. Просто — не сразу.

Мария ждала, не торопила. Она стояла у стола, вытирая руки о полотенце, и смотрела на Маргарит с той тихой внимательностью, которая бывает у людей, знающих цену словам. Потом взяла её за руку и тихо сказала:

— Мегги, мне нужно кое-что тебе объяснить. О ребёнке.

Маргарит отложила нож. Лезвие звякнуло о доску. Тихо. Но в наступившей тишине этот звук прозвучал как удар.

— Я слушаю.

Мария глубоко вздохнула. Посмотрела в окно. Потом — снова на Маргарит. В её глазах было что-то — предчувствие, холодок, тень. И страх. Настоящий. Глубокий. Тот, который она прятала за спокойствием.

— Ты должна понимать, что в одиночку тебе его не вырастить. Без Вэла ты не справишься.

— Почему? — нахмурилась Маргарит. Внутри что-то

сжалось — предчувствием, холодом, тенью.

Мария помолчала. Взяла яблоко, лежавшее на столе. Повертела в руках. Положила обратно. И заговорила — тихо, но твёрдо, и в этом голосе слышалась дрожь, которую она не могла скрыть.

— Потому что у тебя сын. В вашем случае, когда вы оба — сильные когнаты, его потенциал огромен. Таких детей в нашей семье ещё не было. И ты одна не сможешь его контролировать. Это приведёт к беде. Он станет опасным — для тебя, для себя, для окружающих.

Пальцы похолодели. За окном шумело море. Ровно. Бесконечно.

— Если это была девочка, было бы проще, — сказала Мария. Голос её дрогнул — едва заметно, но Маргарит услышала.

— Почему? — Маргарит нахмурилась. Голос прозвучал резче, чем она хотела.

— Девочка — Живица. Она чувствует. Направляет. Держит. Но — не разрывает. — Мария помолчала. Смотрела в окно. Потом добавила тише: — А мальчик — Свент. Огонь. Если не направить — сожжёт. Себя. Тебя. Всё. — Она сглотнула. — В пять лет. В семь. Он не понимает. И — ломает. Всё. Что рядом. А в три года — это вообще случайность. Спонтанное пробуждение. Такое бывает. Редко. Но бывает. Как у Вэла.

Маргарит слушала, и мороз пробегал по коже. Она пред-

ставила своего будущего сына — такого желанного, такого любимого — и вдруг увидела его чужим, опасным. Маленького мальчика с синими глазами. С силой, которая больше его. С огнём, который он не умеет держать. И — страх. Не за себя. За всех. Кто рядом.

Мария смотрела на неё и видела всё. Страх. И боль. И понимание. Она не торопила. Не утешала. Просто — ждала. Потому что знала: это — правда. А правду нельзя смягчить. Её можно только принять.

— Но это можно избежать, — быстро сказала Мария, увидев её лицо. В её голосе появилась та отчаянная настойчивость, с которой люди пытаются остановить то, что уже нельзя остановить. — Вэл будет рядом. С первых дней. Он установит с ним связь. Научит. Удержит. Мальчик вырастет здоровым и сильным. — Она помолчала. — Да и семья не допустит, чтобы ребёнок с таким потенциалом остался без присмотра. Ты понимаешь, о чём я?

— У меня могут забрать сына? — возмущённо воскликнула Маргарит. Голос сорвался. Руки сжались в кулаки.

Мария отвернулась. Смотрела в окно. Молчала. Потом сказала тихо — и в этом голосе была не жестокость, а та самая усталость, что у людей, привыкших к законам, которые нельзя изменить:

— Мальчик — обязательно с отцом. Это закон. Не потому что мы жестокие. А потому что мальчику нужен наставник. И род не оставит его. Даже если ты уйдёшь.

— Почему? — прошептала Маргарит.

— Потому что без отца — он опасен. Для себя. Для тебя. Для всех. — Мария шагнула к ней. Голос её стал твёрже, но в глазах стояли слёзы. — Будете вместе — Вэл даст тебе защиту. И сыну. И себе. А если нет… — Она запнулась. Сглотнула. — Если нет, сын останется с ним. Не потому что мы жестокие. А потому что мальчику нужен наставник.

Маргарит молчала. Смотрела на свои руки, сжимающие нож. Побелевшие костяшки. Напряжённые пальцы. И вдруг с ужасом поняла, что всё это время носила в себе не просто ребёнка — носила будущее, о котором не имела ни малейшего представления.

— А если бы была девочка? — спросила она тихо. — Её бы тоже забрали?

Мария помолчала. Потом сказала — медленно, словно взвешивая каждое слово:

— Девочка — иначе. Она может остаться с матерью. До четырнадцати. А потом — род. Второе посвящение. И тогда — тоже к нам. Но у тебя сын. Значит — с отцом. Сразу.

— Сразу? — переспросила Маргарит.

— Или в течение первого года. Как решит Совет. Но — с отцом. Это не обсуждается.

Маргарит закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Медленно. Как учил Вэл. Раз. Два. Три.

— Я… я не знала, — прошептала она. — Я думала, что смогу сама.

— Твоя сила, — перебила Мария, и в её голосе была не жалость, а твёрдость, — это именно то, что привлекло Вэла. Не одной силы мало. Мужчина и женщина — как две половины одного сосуда. По отдельности они могут что-то, но вместе — всё. — Она взяла Маргарит за руку. Крепко. Тепло. Как сестра. — Я не запугиваю тебя, Мегги. Я просто хочу, чтобы ты понимала: решение, которое ты примешь сейчас, определит не только твою судьбу, но и судьбу твоего сына. И Вэла тоже.

— Ты пока не посвящена, — добавила она тише. — Но ребёнок — когнат. Род не оставит его. Даже если ты уйдёшь.

Маргарит молчала, переваривая услышанное. Внутри всё смешалось: страх, любовь, растерянность, злость. На себя. На Марию. На Вэла. На род. На весь этот мир, в который она вошла, не зная правил. И — на сына. Нет. Не на сына. За то, что — не знала. Не думала. Не спросила.

— Спасибо, — сказала она наконец. Голос прозвучал глухо. Но — твёрдо. — За честность.

Она вдруг остро осознала, что носит в себе не просто ребёнка, а судьбу, о которой не имела ни малейшего представления.

Мария улыбнулась — тепло, но с той тревогой в глазах, которая не проходила.

— Мы же семья. Здесь не соврёшь. Только молчать или говорить правду. Всё к ужину почти готово, спасибо. Приляг, отдохни? Врач должен подойти перед ужином. Я сооб-

щила о твоей беременности и травмах Вэла. Ты не возражаешь? В семье очень внимательно относятся к здоровью. И — особенное внимание нашему герою. Надо осмотреть его.

— Хорошо. Особенно нашего героя надо осмотреть, — эхом отозвалась Маргарит. Голос её был тихим, но в нём уже не было прежней растерянности. Только — усталость. И — решимость.

Девушки улыбнулись, и Маргарит удалилась.

Глава 6.

Семья

Вэлент проснулся. Рядом, укрытая лишь лёгким покрывалом, безмятежно спала Маргарит. Он залюбовался её лицом — расслабленным, чуть припухшим со сна, с тёмными ресницами на бледной коже. Осторожно коснулся её волос. Отвёл прядь. Она не проснулась. Он выбрался из постели, натянул брюки и вышел на балкон. Свежий воздух с запахом моря и сосен наполнил лёгкие, прогоняя остатки сна.

Сквозь пелену сна Маргарит почувствовала свежий воздух. Веки дрогнули, и она увидела Вэлента, стоящего на пороге балконной двери.

— Ты не спишь? — пробормотала она, потягиваясь.

— Проголодался, — ответил он с улыбкой. Приблизился. Присел на край кровати.

Маргарит нахмурилась.

— А у меня аппетита нет. Немного мутит.

В глазах Вэлента промелькнула тревога.

— Может, стоит вызвать врача?

— Не нужно. Всё в порядке. Я говорила с мамой. Она сказала, это нормально. И врач будет перед ужином.

— Твоя мама знает о ребёнке? — удивился Вэлент.

— Да. Ещё в Багдаде. Но отец и брат не знают. Надо вставать.

Она поднялась, накинула лёгкое платье, причесалась перед зеркалом. Маргарит взяла Вэлента под руку, и они спустились по широкой лестнице, устланной ковровой дорожкой. Из гостиной доносились голоса.

В просторной комнате с камином, где уже горел огонь, их ждали. Тётя Адалина — невысокая, ладная женщина с тёплой улыбкой и быстрыми, заботливыми движениями — увидев их, расплылась в улыбке и бросилась навстречу.

— Мегги, дорогая! — Адалина обняла её. Расцеловала в обе щёки. — Наконец-то мы вас дождались! Как долетели? Устали?

Рядом стоял дядя Антуан. Высокий. Чуть сутулый. С проседью в русых волосах. Смотрел внимательно.

Он шагнул вперёд. Пожал руку Вэленту. Поцеловал Маргарит в щёку.

— Вы стали ещё очаровательнее, — сказал он.

Она помнила этот взгляд. В прошлом году он казался холодным. Теперь — нет. Теперь — заботливым.

— Рада вас видеть, дядя Антуан, — ответила она. — И вас, тётя Адалина. Вы ничуть не изменились.

— Мегги, позволь представить тебе моего младшего брата, Клемонта, — произнёс Вэлент. Подвёл к ним мальчика. Лет девяти.

Клемонт стоял скромно. Смотрел на неё. Русые волосы. Голубые глаза. Мягкая улыбка — как у Вэла. Только у Вэла она уже потускнела, а у мальчика ещё светилась. Непосредственным любопытством.

— Здравствуйте! Вы правда та самая Маргарит? Тётя говорила. Вы красивая!

Маргарит рассмеялась, тронутая детской искренностью.

— Здравствуй, Клемонт. Да, я та самая. А ты, я вижу, очень похож на своего старшего брата.

— Он всегда за мной присматривает, — доверительно сообщил Клемонт, косясь на Вэлента. — Даже когда меня ругают, он заступается.

— Потому что ты ещё маленький, — улыбнулся Вэлент, кладя руку ему на плечо.

В этот момент из соседней комнаты донеслись голоса, и в гостиную вошли ещё несколько человек. Все познакомились. На мгновение в комнате повисла тишина, но Адалина тут же нарушила её, засуетившись:

— Ну, теперь все в сборе! Проходите, располагайтесь. Ужин скоро.

Все расселись по креслам и диванам, разговор завязался снова. Адалина расспрашивала Маргарит о Багдаде, о самочувствии, то и дело пододвигая к ней вазочку с печеньем и

конфетами. Антуан больше слушал, изредка вставляя короткие замечания, но его взгляд то и дело останавливался на Вэленте — с беспокойством человека, который знает цену каждой минуте, проведённой вдали от дома.

Эдуард, устроившись в кресле напротив, задал несколько вопросов о ситуации в Ираке, о местной охране, и Маргарит заметила, как при этом Вэлент чуть заметно напрягался, но отвечал спокойно и сдержанно.

— Вы надолго в Марсель? — спросил Антуан.

— Только на пару дней, — ответил Вэлент. — Потом летим в Монреаль, на день памяти мамы. А оттуда — в Бостон.

— Хорошо, что вы вместе, — кивнул Антуан. — Мегги, вы теперь часть семьи. Если что-то понадобится — не стесняйтесь, обращайтесь.

Она кивнула. Молча. Тепло разлилось в груди. Эти слова значили больше, чем любые восторженные приветствия.

Адалина мягко коснулась её руки.

— Мегги, наш семейный врач подошёл. Поговори с ним, пожалуйста. Я немного волнуюсь о вашем здоровье.

— Хорошо, — ответила она.

Адалина тут же поднялась:

— Я провожу вас в кабинет. Доктор Марели уже ждёт.

И, чуть помедлив, добавила, глядя на Вэлента:

— А я при осмотре Вэла побуду. Ему нужно знать, насколько он здоров. После Багдада. После всего. Это важно. Для семьи. Для рода. Для тебя, Маргарит.

Маргарит замерла. Посмотрела на Адалину. Потом — на Вэлента. Потом — снова на Адалину. И вдруг поняла: это — не просто забота. Это — долг. Старейшина рода. Жена старейшины. Она должна знать. О здоровье члена рода. О его силе. О его состоянии. Потому что от этого зависит — всё. Род. Семья. Будущее. Её сын. И — она сама.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Я поняла.

Внутри что-то сжалось. И — отпустило. Она почувствовала: это — важно. Не для неё одной. Для всех. Для рода. Для Вэла. Для их сына. Здоровье Вэла — это не просто здоровье. Это — сила рода. Это — будущее. Это — жизнь.

Адалина улыбнулась — тепло, но с той тревогой в глазах — и повела Маргарит в кабинет. Вэлент остался в гостиной. С роднёй. С Клемонтом. С Антуаном. С Эдуардом. С теми, кто ждал. Кто знал. Кто — заботился.

Глава 7. О

смотр

Адалина провела Маргарит в небольшую комнату на первом этаже — миниатюрный медицинский кабинет с массажным столом и шкафом с лекарствами. Их уже ждал доктор Марели: пожилой, седой, с внимательными глазами.

— Госпожа Де-Вит, присаживайтесь, — пригласил он. — Не волнуйтесь, это просто профилактический осмотр.

Маргарит опустилась на стул. Доктор тактично расспросил о самочувствии, взял анализы крови, провёл осмотр.

— С вами всё в порядке, — заключил он. — Беременность протекает нормально. Но отдых, полноценное питание и спокойная обстановка сейчас важны как никогда.

— Спасибо, доктор, — поблагодарила Маргарит.

В этот момент дверь открылась. Вошёл Вэлент.

— А теперь, господин Вэлентайн Де-Вит, прошу вас, — доктор указал на кушетку.

— Может, не стоит? Я чувствую себя прекрасно.

— Я вижу, что стоит, — твёрдо ответил врач. — Ваш брат, господин Мишель Де-Вит, настоял на этом.

Вэлент вздохнул и начал расстёгивать рубашку. Маргарит вышла, чтобы принести снимки из Багдада, которые Рахим положил в сумку с документами. Вернувшись, она застала мужа без рубашки на кушетке. Маргарит смотрела, как док-

тор осторожно снимает бинты. Под ними кожа была ещё желтоватой, но синяки почти исчезли. Только старый ожог на груди оставался — багровый, страшный. Она перевела дыхание. Не отвела взгляд. «Он жив. Он здесь. Остальное неважно».

— Когда вы получили эти травмы? — спросил доктор, не отрывая пальцев от груди Вэлента.

— Недели три назад, — ответил Вэлент ровно.

Доктор Марели поднял бровь, взял снимок, который протянула Маргарит, и долго изучал его на свет, хмурясь.

— По снимку здесь должен быть перелом. Трещины. А сейчас… — он покачал головой. — Вы принимали какие-то препараты?

— Нет. Только мазь, которую прописал местный врач.

— Мазь? — Доктор Марели на мгновение замер. — Можно взглянуть?

Маргарит подала небольшую глиняную баночку, перевязанную тканью. Доктор открыл её, понюхал. На его лице появилось выражение смеси любопытства и недоумения.

— Травы… необычный состав. Я такого не встречал. — Он вернул баночку. — И этот врач… он практикует традиционную медицину?

— Табиб, — коротко ответил Вэлент. — Он помог.

Доктор Марели ничего не сказал, только кивнул, но Маргарит заметила его недоумение. Табиб. Тот самый, о котором Вэлент рассказывал. Который лечил его. Который… Она

вспомнила слова Вэлента: «Он не просто врач. Он видит то, что скрыто». И поняла, что доктор Марели, при всей его квалификации, не может объяснить то, что видит. А она — может. Потому что знает: мир не ограничивается тем, что написано в учебниках.

— Я бы рекомендовал сделать МРТ в Монреале, — сказал врач, возвращая снимок. — Для полной картины. Но в целом… состояние удовлетворительное. Лучше, чем я ожидал.

Доктор Марели повернулся к Маргарит.

— Маргарит, — сказал он негромко. — Я выпишу лекарства для вашего мужа. Для восстановления костной ткани. Пожалуйста, проследите, чтобы он их принимал. И ещё… — он помедлил. — Я не знаю, что за врач был в Багдаде, но то, как зажили его травмы за три недели… это необычно. Очень необычно. Берегите его. И себя.

Врач подал рецепты и удалился.

— Ну что, — спросил Вэлент с лёгкой усмешкой, — старик сказал, что я не безнадёжен?

— У тебя всё заживает слишком быстро, — ответила Адалина, беря его под руку. — И он удивился мази.

— Умар, — тихо сказал Вэлент. — Он помог. Это всё, что ему нужно знать.

— Но доктор Марели…

— Доктор Марели — хороший врач, — перебила Адалина. — Он лечит тело. Умар… лечил иначе. Не всё можно объяснить с помощью снимков и анализов.

Она помолчала. Потом заговорила — тихо. Глубже.

— Знаешь, Мегги, мы, женщины рода, чувствуем тело иначе. Не глазами. Не приборами. Живицей. Она у нас — как второй слух. Как второе зрение. Мы чувствуем, где больно. Где повреждено. Где заживает. Это не магия. Это природа. Не всё можно объяснить снимками. Но многое можно — почувствовать. Рукой. Сердцем. Живицей.

Маргарит слушала, затаив дыхание. Значит, вот оно. Женщины рода — не просто жёны. Не просто матери. Они — целительницы. Хранительницы. Те, кто чувствует. Те, кто знает. Без приборов. Без анализов. Просто — рукой. Просто — сердцем.

— Я тоже так смогу? — спросила она тихо.

— Да, — ответила Адалина. — Сможешь. Это — в тебе. Уже. Просто — спит. Учиться надо. На медицинском. Уровня медсестры будет достаточно. Для простой диагностики. Для профилактики. Для заботы.

— Мне одеться можно? — спросил Вэлент.

— Нет, — сказала Адалина. — Ложись на спину.

Вэлент подчинился. Медленно. Спокойно. Как будто делал это сотни раз. Как будто — всегда. Но Маргарит видела: уголок его рта дрогнул. Едва заметно. На мгновение. Он лёг. Вытянулся. Руки — вдоль тела. Пальцы — чуть сжаты. Потом — разжаты. Он смотрел в потолок. Ровно. Спокойно. Как будто — ничего.

Адалина подошла. Наклонилась. Положила ладони ему на

грудь. Осторожно. Без нажима. Потом — повела. Медленно. От ключиц — вниз. К рёбрам. К солнечному сплетению. Пальцы — тонкие. Тёплые. Уверенные. Она не торопилась. Она слушала.

Маргарит смотрела на неё. На её лицо. На то, как она чувствует. Как ведёт. Как слушает. И видела: Адалина знает. Чувствует. Волнуется. Её пальцы — тёплые. Но в них — осторожность. Бережность. Боль. Не своя. Его. Она чувствовала его боль. Через пальцы. Через кожу. Через Живицу.

Потом Адалина повела рукой ниже. К рёбрам. К левому боку. Остановилась. Прижала чуть сильнее.

Вэлент дёрнулся. Едва заметно. Мышцы на животе напряглись. Челюсть сжалась. На секунду. Две. Потом — отпустило. Он снова смотрел в потолок. Ровно. Спокойно. Как будто — ничего. Но Маргарит видела. Боль. Терпение. Усилие. Он терпел. Делал вид. Но — больно.

Адалина заметила. Остановилась. Посмотрела на него. Долго. Молча. Потом — снова повела. Медленнее. Мягче. Бережнее.

— Чувствуешь? — спросила она тихо. Уже у Маргарит.

Маргарит замерла. Под ладонью — тепло. Тепло тела. Тепло кожи. И — что-то ещё. Лёгкая вибрация. Мелкая. Частая. Как дрожь. Как пульс — но не пульс. Другое. Глубже. Тоньше.

— Чувствую, — прошептала она. — Дрожь.

— Да, — кивнула Адалина. — А теперь — смотри.

Она повела рукой Маргарит ниже. К рёбрам. К левому боку. Остановилась. Прижала чуть сильнее. Вэлент дёрнулся. Едва заметно. Маргарит почувствовала — через руку. Через его кожу. Через его боль.

— Здесь, — сказала Адалина. — Видишь?

Маргарит смотрела. Сначала — ничего. Только кожа. Только тепло. Потом — свет. Слабый. Зелёный. Изнутри. Под рёбрами. И — прерывалось. Одна линия. Другая. Тонкие. Светящиеся. А между ними — разрыв. Серый. Широкий.

— Это перелом, — тихо сказала Адалина. — Вот здесь. Видишь? Свет рёбер прерывается. И — серая прожилка. Широкая. Значит — заживает. Идёт. Но ещё — не всё. Ещё — слабое место.

Она повела руку Маргарит выше. К плечу. К ключице. Потом — к правому боку. К бедру. Каждое место — тепло. Свет. Прожилки. Серые. Тонкие. Широкие. Где-то — почти не видно. Где-то — ещё светится. И Вэлент терпел. Каждое касание. Каждое движение. Каждую боль. Он смотрел в потолок. Молчал. Держался.

Адалина чувствовала. Всё. Через пальцы. Через Живицу. Его боль. Его терпение. Его усилие. И — берегла. Вела мягче. Медленнее. Тише. Как будто просила прощения. Как будто знала: больно. Но — надо.

— Когда тело здорово, — говорила Адалина, — оно пульсирует в такт сердца. Ровно. Как вода. Как дыхание. Ты чув-

ствуешь? — Она приложила ладонь Маргарит к его груди. К самому сердцу. — Вот. Здесь. Ровно. Чисто. А вот здесь — прерывается. Дрожь. Мелкая. Частая. Это — повреждённое. Это — больное. Или — заживающее.

Она убрала руку. Маргарит — тоже. Медленно. Осторожно. Как будто боялась разбить что-то. Что-то хрупкое. Что-то живое. Что-то — его.

Далее женщины прошлись по многим местам тела Вэла, а муж чувствовал себя экспонатом. Но Маргарит видела: не экспонатом. Терпел. Держался. Ради неё. Ради Адалины. Ради рода. Ради сына. Он знал: надо. И — терпел.

— А я без вас смогу видеть так?

— Да. Сможешь. Учиться надо на медицинском. Уровня медсестры будет достаточно для простой диагностики и профилактики.

Осмотр окончен. Вэл оделся. Медленно. Осторожно. Как будто каждое движение — боль. Маргарит видела. Молчала. Понимала. Принимала. И — влюблялась. Ещё сильнее.

Маргарит шла рядом. Думала. О его травмах. О том, что есть вещи, которые даже лучшие врачи не могут объяснить. И что её муж — один из таких. И она — его жена. И — сможет. Если захочет. Если будет учиться. Если примет. Это знание пугало. И давало силу.

Глава 8. Круг единения

.

Первый ужин

Когда Вэлент и Маргарит вернулись в гостиную, стол уже был накрыт. Адалина и Мария хлопотали, расставляя салаты и закуски. Себастьян разливал вино. Антуан занял место во главе стола, и атмосфера сразу стала чуть более официальной.

Вэлент усадил Маргарит рядом с собой. За столом собрались все, с кем она уже успела познакомиться: Антуан и Адалина, Мария и Себастьян, Эдуард с Нинель, Эрик, Надин с маленьким Леоном, Даниэль, а также Клемонт, который с любопытством поглядывал на новую родственницу.

На мгновение воцарилась тишина. Антуан чуть заметным движением подал знак. Все сидящие за столом протянули руки и взялись за руки, образуя круг.

— «Мы можем участвовать?»

— «Даю оба. Такова воля Шона. Посмотрим, примет ли вас паутина».

И тогда заговорил Антуан. Негромко. Но так, что услышали все.

— Наш путь — в единстве.

Адалина — рядом — подхватила. Тихо. Ясно:

— Наша сила — в любви.

Антуан закончил:

— Да будут узы наши крепки, а помыслы чисты.

Тишина. Только дыхание. Только биение сердец. Сливающееся в единый ритм.

И вдруг Маргарит почувствовала. Сначала — ничего. Только руки. Только ладони. Только тепло. Потом — отблески. Слабые. Мягкие. Свет. Над каждым — свечение. Но не чёткое. Как сквозь воду. Она не видела цветов. Не различала аур. Только тепло. Только отблески. И руки, соединённые в круге, светились особенно — медовым, густым светом. Она не понимала, что это. Но чувствовала: это — важно.

Но мало увидеть. Она почувствовала. Не глазами. Кожей. Кровью. Тепло шло от руки Вэлента. Через пальцы. Через ладонь. Через всё тело. Оно наполняло. Успокаивало. Как будто она вошла в воду. Тёплую. Живую. Родную.

Она не понимала, что это. Но знала: это — паутина. Та самая. О которой говорил Даниэль. Семейная паутина. Она не подключена. Пока. Ладана нет. Но — когнат. И — чувствует. Потому что в этот момент — через тактильный контакт — просыпается дар. Зрячий. Вместе с Живицей. Вместе с родом. Вместе со всеми.

Вот она, связь рода. Сердце наполнилось благоговением. Она смотрела на свои руки. На свет. Молчала.

Индиго нити тянулись к ней. Не касаясь. Словно проверяли. Словно смотрели: совпадает? Резонанс есть? Она не видела их. Но чувствовала: что—то касается её кода. Осто-

рожно. Бережно. Как будто спрашивали разрешения. И она кивнула. Мысленно. Не словами. Сердцем.

Антуан обвёл взглядом каждого. Задержался на Маргарит. Чуть заметно улыбнулся. Потом посмотрел на Вэлента. Долго. Молча. И в его глазах было что—то, чего Маргарит не поняла. Но Адалина поняла. Она коснулась руки мужа. Едва заметно. И Антуан кивнул.

— «Дух рода помнит тебя и ждуъет. Но твоя аура тёмная. Ждут подтверждения твоей верности. Маргарит светлая. Готов принять в паутину».

Вэлент не ответил. Только чуть склонил голову. Едва заметно. Принимая.

И — негромко, с достоинством — произнёс:

— Всем приятного аппетита.

Связь разомкнулась. Проверили.

Свечение померкло. Руки разъединились. И за столом завязался обычный разговор.

Но Маргарит видела: род принял её. Не словами. Светом. Теплом. Тишиной. Она — своя. Теперь. По-настоящему.

Вэлент наклонился к ней.

— Эдуард — безопасность. Красный. Антуан — старейшина. Бело-фиолетовый. Остальные — созидатели. Сине-фиолетовый.

Маргарит кивнула. Смотрела на свет. Молчала.

Вэлент посмотрел на неё. Долго. Потом взял её руку. Сжал. Молча.

— Что тебе положить? — спросил он, возвращаясь к бытовым заботам.

— Пока ничего, просто налей воды, пожалуйста, — ответила она, всё ещё находясь под впечатлением.

Вэлент поднялся и направился к графину. В этот момент Адалина, наклонившись к Маргарит, тихо спросила:

— Тебя тошнит? Может, лимончику выдавить в воду? Сейчас принесу, — предложила Адалина, уже вставая.

Она перехватила Вэлента, возвращавшегося с водой, и добавила в стакан несколько капель лимонного сока.

— Вот, попробуй, — Адалина поставила стакан перед Маргарит.

— Спасибо, очень мило, — поблагодарила Маргарит.

— Вам обоим нужно хорошо питаться, — заметила Адалина, окидывая взглядом Вэлента. — Вэлент, ты что-то похудел, кажется?

— Со мной всё в порядке, тётя, — заверил её Вэлент.

Разговор за столом полился легко. Обсуждали планы на ближайшие дни: Париж, перелёт, дорогу. Маргарит смотрела на них. Улыбалась. Молчала.

После ужина, когда тарелки были убраны, Вэлент, перекинувшись парой слов с дядей Антуаном, подошёл к Маргарит, которая всё ещё сидела в кресле у камина.

— Пойдём прогуляемся? — предложил он тихо. — Море рядом, а вечер сегодня тихий.

Она посмотрела на него. Кивнула.

Глава 9. Море и тишина

Вэлент и Маргарит вышли из дома и направились по тропинке к обрыву. В вечернем воздухе отчётливо пахло морем — свежо, терпко, чуть солоновато. Внизу, в сгущающихся сумерках, мерно дышали волны, накатывая на скалы с тихим, убаюкивающим шумом.

Маргарит взяла его руку — легко, почти невесомо. Он чуть прижал локоть к себе, держа её за руку. Он вёл её под руку. Она чувствовала тепло его ладони. Они шли молча. Молчание не тяготило. Наполняло покоем.

— Я никогда не была в таком месте, — сказала она. — Чтобы море, скалы, этот запах… И чтобы рядом — вся семья. У нас в Бостоне всё иначе.

— Знаю, — ответил он. — Я помню твой дом. Там тоже уютно, но… по-другому.

Она остановилась. Смотрела на тёмную гладь залива. Глаза блестели. Щёки порозовели. Она говорила быстро. Сбивалась.

— Я сегодня столько узнала. О твоей семье, о ваших традициях, о… — она запнулась. — О том, что я теперь часть чего-то большого. Это немного пугает. Но… — она посмотрела на него. Прямо. Открыто. — Но мне нравится. Правда. Нравится.

Вэлент встал напротив. Взял её за обе руки. Осторожно.

— Мегги, ты не обязана становиться кем-то другим. Ты уже та, кто есть. И мы все тебя принимаем. Даже дядя Антуан, хоть и кажется строгим.

— Он просто заботится о семье, — кивнула она.

— А Адалина сегодня уже вовсю хлопочет вокруг тебя. Значит, ты ей понравилась.

Маргарит улыбнулась, вспомнив заботу тёти.

— Она очень тёплая. И Клемонт… он чудесный.

— Он обожает старших братьев, — усмехнулся Вэлент. — Я стараюсь уделять ему время, когда бываю здесь.

Они постояли ещё немного, слушая море. Маргарит придвинулась ближе. Прижалась плечом. Потом — всем телом. Он не отстранился. Но и не обнял. Пока.

Потом она, помолчав, спросила:

— А ты сам? Ты чувствуешь себя здесь… дома?

Вэлент посмотрел вдаль. На море. На скалы. На небо. Не на неё. И в его глазах отразился отблеск заходящего солнца.

— Здесь выросла мама. Для неё это место было самым родным. И для меня оно тоже важно. Но дом — не стены, а люди. Сейчас мой дом там, где ты и мой сын.

Она прижалась к нему. Крепко. Он обнял её. Осторожно. Словно боясь сломать. Словно боясь потерять. Словно боясь себя.

— Я хочу, чтобы ты всегда был рядом, — прошептала она. — Чтобы мы были вместе. И чтобы наш сын рос в таком же тепле.

— Будет, — тихо ответил он. — Я сделаю всё, чтобы так и было.

Он сказал «будет». Но не сказал «люблю». Он сказал «сделаю всё». Но не сказал «я твой». Она почувствовала это. Но не отстранилась. Не спросила. Не потребовала. Просто — прижалась сильнее. Просто — ждала. Просто — верила.

Они ещё долго стояли на обрыве, глядя, как на небе зажигаются первые звёзды. А внизу, у их ног, неумолчно дышало море — вечное, как сама жизнь.

Глава 10

.

Братьями. Тренировка

Когда Вэлент и Маргарит, завершив прогулку, вернулись к дому, их уже ждали. У входа, освещённые тёплым светом из окон, стояли Себастьян и ещё трое мужчин. Маргарит на мгновение замерла.

Перед ней были три настоящих исполина — высокие, широкоплечие, спортивно сложенные. Светлые волосы, у кого-то темнее, у кого-то светлее, но во всех чувствовалась одна порода — витийская. Двое были голубоглазыми, как Вэлент, у третьего глаза оказались зелёными, с лукавым блеском.

Вэлент при виде братьев неуловимо изменился. Исчезла напряжённость в плечах, разгладились складки у губ, и на лице появилась та редкая, тёплая улыбка, которую Маргарит видела лишь несколько раз. Он шагнул к ним, и через секунду они уже обнимались — крепко, по-мужски, но с такой искренней радостью, что у Маргарит защипало в глазах.

— Вэл! — воскликнул один из них, голубоглазый. — Ну рассказывай, где тебя носило?

— Алессандро, дай человеку вздохнуть, — усмехнулся второй, зеленоглазый. — Он, может, отвык от нормальной жизни. Мы только прилетели.

— Отвык, — коротко ответил Вэлент, но в глазах его плясали тёплые искры.

Алессандро, заметив взгляд Маргарит, вдруг сделал шаг в её сторону, и все трое, словно по команде, повернулись к ней.

— Вэл, — торжественно произнёс Алессандро, приложив руку к груди, — познакомь нас с этой прекрасной дамой? Или нам самим догадаться, что эта красавица — твоя… — он замялся, подбирая слово. — Твоя…

— Жена, — спокойно сказал Вэл. — Маргарит. Моя жена.

Алессандро кивнул, принимая поправку. И прежде чем Маргарит успела что-то ответить, все трое опустились перед ней на одно колено. В руках у каждого оказалось по цветку — откуда они взялись, она не поняла.

— Меня зовут Алессандро, — голубоглазый взял её руку и поцеловал.

— А меня Давид, — зеленоглазый последовал его примеру.

— А я Эрик, — третий, чуть смущаясь, тоже коснулся губами её пальцев.

Маргарит расцвела в улыбке — от неожиданности и от того, как трогательно это выглядело.

— Маргарит, — сказала она, когда к ней вернулся дар речи. — Вы меня смущаете.

— Если за такого, как наш Вэл, замуж вышла, не из робкого десятка, — одобрительно заметил Алессандро, подни-

маясь и отряхивая колено.

— Позвольте увести этого скупого на слова брата в спортивный зал? — подхватил Давид с шутливой торжественностью.

— Забирайте, — махнула она рукой. — А посмотреть можно?

Давид театрально поклонился:

— Пред вами все двери открыты. О драгоценная наша Маргарит!

Вэлент, улыбаясь, пошёл с братьями по аллее. Из дома вышла Мария, и они вместе с Маргарит направились к спортзалу. Себастьян замыкал шествие, засунув руки в карманы.

— У троих чёрный пояс по джиу-джитсу, кроме моего Себастьяна, — пояснила Мария. — Они жёсткие на ринге, будет интересно. Я люблю смотреть.

— Я уже однажды видела, как Вэл легко справился с крепкими мужчинами, — вспомнила Маргарит сцену в кафе.

— Так получается при превосходно отработанной технике, — кивнула Мария.

Зал встретил их простором: высокие потолки, около четырёх метров, и внушительная площадь, примерно сто квадратных метров. Всё пространство было устлано матами — на полу и по стенам.

Из раздевалки вышли четверо молодых мужчин в чёрном кимоно. Маргарит сразу узнала Вэлента, Алессандро, Давида и Даниэля. Себастьян, как оказалось, наблюдал со стороны,

стоя у стены с лёгкой улыбкой.

Началась разминка. Они легко и грациозно пробежали по кругу, выполняя повороты и перекаты, кувыркаясь с идеальной координацией. Маргарит смотрела заворожённо. Вэлент среди братьев выглядел иначе — не замкнутым и усталым, а собранным, текучим, опасным.

Разминка подошла к концу, мужчины приступили к борьбе. Их движения, поначалу плавные и осторожные, постепенно становились всё более резкими и напористыми. Слышались приглушённые шлепки тел о маты, короткие выдохи напряжения.

— Маргарит, знаешь, — начала Мария, не отводя взгляда от братьев, — я успела повидаться со многими мужчинами. Всех искала того самого, особенного. А выросла я среди невероятных братьев. Именно они стали для меня главным стимулом.

Маргарит слушала вполуха, наблюдая, как Вэлент уходит от захвата Алессандро, как легко перетекает из одного движения в другое. Но он уступал по мастерству братьям.

— Они всегда брали меня с собой: на соревнования по борьбе, в путешествия, в походы. Они — самые интересные люди на свете. Я, как и ты, поначалу не замечала Себастьяна. Он просто был рядом. А когда не стало мамы, я ощутила его надёжное плечо. Тогда я поняла, что всё это время ждала только его.

Борьба продолжалась, как и беседа девушек.

— А ты видишь, как они смотрят друг на друга? — обратила внимание Мария, кивая на татами. — Перед тем как что-то сделать. Их взгляды словно перебегают от одного к другому…

Маргарит присмотрелась. И правда — в короткие паузы между захватами мужчины замирали, глядя друг другу в глаза. Всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы следующий обмен ударами казался не борьбой, а отрепетированным до мелочей танцем.

— Они общаются мысленно, — тихо сказала Мария. — Говорят молча. Работают молча. — Она вдруг позвала: — Себастьян, иди к нам! Возьми нас за руки, пусть Мегги увидит всё радужно.

Маргарит почувствовала, как по спине пробежал холодок. Вот оно. То самое, о чём она догадывалась, но не решалась спросить.

Себастьян подошёл. Сел рядом. Взял её за правую руку. Мария сжала левую.

— Готова? — спросил он тихо. — Просто смотри на братьев. Не сопротивляйся.

И в этот момент мир взорвался светом.

Спортивный зал стал полупрозрачным, как утренний туман. Сквозь него проступило иное пространство — сотканное из чистого сияния. Маргарит ахнула, но звук не вырвался наружу. Она чувствовала себя парящей в невесомости.

От её собственной груди тянулась тонкая, золотистая нить

к Вэленту, пульсирующая в такт её сердцу. Она видела, как такие же нити, но других цветов, связывали всех в этом зале. От Себастьяна тянулся спокойный, изумрудно-зелёный луч к Марии, а от Марии — ответный, медово-золотистый. Они переплетались, создавая вокруг них кокон уютного света.

Но самое главное было там, на татами.

Аура Алессандро горела ровным, мощным рубиново-красным пламенем — цветом земли, силы и непоколебимой защиты. От него тянулись алые нити, которыми он пытался опутать Вэлента. Давид был соткан из золотисто-оранжевого вихря — подвижного, искрящегося, его нити хлестали, как бичи. А Вэлент… Маргарит перевела взгляд на мужа и замерла.

Он не горел ровным цветом. Он был соткан из бело-фиолетового мерцания, которое перетекало, менялось, жило своей жизнью. Это была сама стихия. Его нити не были ни хлещущими, ни опутывающими. Они были везде — тонкие, серебристо-лиловые, пронизывающие пространство вокруг него невидимой паутиной. Он не реагировал на атаки братьев — он знал о них за мгновение до того, как они случались. Алые щупальца Алессандро натыкались на пустоту, оранжевые бичи Давида гасли, коснувшись его сияния.

Их истинная борьба происходила не на матах, а здесь, в этом светящемся мире. А Вэлент… он просто был. Он впитывал их импульсы, понимал их намерения раньше, чем они сами успевали их сформировать, и мягко, но неумолимо уво-

дил силу братьев в сторону, гасил её своим фиолетовым свечением. Это был не бой. Это был танец энергий, где Вэлент был дирижёром, а братья — мощным, но послушным его воле оркестром.

Поединок в физическом мире закончился так же внезапно, как начался. Алессандро и Давид замерли, тяжело дыша.

А потом видение померкло. Спортивный зал снова стал просто залом, маты — просто матами, а братья — просто уставшими, но довольными мужчинами, которые шутили и хлопали друг друга по плечам.

Себастьян мягко отпустил руку Маргарит. Мария рядом с ней часто дышала, сжимая её ладонь.

— Это… невероятно, — выдохнула Маргарит, чувствуя, как дрожат колени. — Я видела… их свет. И как он…

— …управляет этим, — закончила за неё Мария. — Да. Теперь ты понимаешь, почему они — те, кто они есть.

Себастьян лишь улыбнулся и подмигнул, возвращаясь к своей обычной роли наблюдателя.

— Так кто же победил? — растерянно спросила Маргарит, возвращаясь в реальность. — Я ничего не поняла в их борьбе…

— Я их спорт не всегда понимаю, — призналась Мария. — Кружатся, обнимаются, руки заворачивают… Спросим сейчас.

Девушки вышли из зала и направились к дому, но через несколько минут их догнали братья — уже переодетые,

оживлённые, с раскрасневшимися лицами.

— Нам с Мегги понравилось, — сказала Мария. — Вы были такие красивые! Только вот ничего не поняли — кто кому намылил шею?

Парни рассмеялись.

— Вэлу, конечно, досталось больше всего, — ответил Алессандро, хлопнув Вэла по спине. — Но победила дружба.

— Дорогая Маргарит, — подхватил Давид с усмешкой, — вашему мужу нет равных. Кроме меня, разумеется.

— Если серьёзно, — добавил Алессандро, глядя на Маргарит с теплотой, — он серьёзный соперник. Мы рады, что он в прежней форме.

Вэлент подошёл к Маргарит, взял её за руку. Пальцы его были горячими после тренировки, но в этом тепле чувствовалась та самая сила, которую она только что видела в ином мире.

— Пойдём? — спросил он тихо.

Она кивнула, и они направились к дому, оставив братьев обсуждать детали поединка. В ушах всё ещё гудело, а перед глазами стояли переплетения золотых и фиолетовых нитей.

«Я видела...» — начала она и замолчала, не в силах подобрать слова. Маргарит шла. Думала. Смотрела на кольцо. Этот мир, полный молчаливых разговоров и переливающихся энергий, становился ей чуть ближе. Но тайны в нём не становилось меньше. Теперь она знала, что скрывается за словами «говорить молча», «работать молча».

Часть 2. Париж: Обещание

Глава 11. Город света

Париж встретил их утренней дымкой, мягким светом, струящимся сквозь кружево облаков, и тем неуловимым ароматом, в котором смешались свежие круассаны, кофе и осенняя листва. Город принимал их в свои объятия, словно знал, что именно здесь должны разрешиться сомнения, накопившиеся за долгие месяцы.

Себастьян вёл машину по знакомым улицам, Мария сияла рядом с ним, то и дело оборачиваясь к Маргарит с восторженными комментариями.

Они остановились в небольшом отеле в Латинском квартале — месте, где старые камни помнят ещё средневековых студентов, а воздух пропитан духом свободы и творчества. Маргарит стояла у окна их номера, глядя на крыши Парижа, и чувствовала, как внутри неё что—то меняется.

— О чём думаешь? — Вэлент подошёл сзади, осторожно обнял, положив подбородок ей на плечо.

— О том, как странно устроена жизнь, — ответила Маргарит тихо. — Еще недавно я полгода жила в Багдаде, в пыли и страхе, и думала, что схожу с ума. А сейчас — Париж, ты, внутри наш ребёнок... — Она запнулась. — Иногда мне

кажется, что это сон.

— Сын — это не сон, — шепнул он, касаясь губами её виска. — Реальность. Наша реальность.

— — —

День пролетел как одно мгновение. Нотр—Дам, возвышающийся над Сеной, поразил Маргарит своими витражами — ей показалось, что они светятся тем же внутренним светом, который она начинала видеть у членов семьи Вэлента.

— В мире есть свои храмы силы, — тихо сказал Вэлент, когда они вышли на паперть. — Из веры и памяти.

— Что ты имеешь в виду?

— Места силы. Там, где код просыпается. Это храмы, церкви, мечети. И в природе особенные места. В Марселе — Каланки, в Монреале — озеро, у которого живёт дед. В Шардже — пустыня, где мы с Максом в детстве учились чувствовать ветер. А в Петербурге...

Он запнулся.

— Что в Петербурге? — насторожилась Маргарит.

— Там тоже много мест, — уклончиво ответил он. — Когда—нибудь я тебе покажу.

Она не стала расспрашивать. В последние дни она поняла: Вэлент расскажет сам, когда будет готов.

Вэлент смотрел на витражи. Долго. Молча. Его рука лежала на груди. Там, где под ключицей — ладан. Где сердце. Он не сказал ни слова. Но Маргарит заметила: он смотрел не на витражи. Он смотрел сквозь них. Туда, где было что—то

ещё. Что—то, чего она не видела. Пока.

В Лувре Мария утащила Себастьяна смотреть Нику Самофракийскую, а Маргарит задержалась перед «Моной Лизой». Толпа туристов вокруг казалась далёким шумом; она смотрела в глаза женщины на портрете и думала о том, сколько тайн хранит каждая семья, каждый род, каждая жизнь.

Глава 12. Феникс над Сеной

Их ждал столик в ресторане на Эйфелевой башне. Изысканный ужин, тонкий аромат вина и захватывающий вид на раскинувшийся внизу Париж — они наслаждались каждым мгновением.

Когда сумерки окончательно окутали город, они поднялись на смотровую площадку. В восемь часов вечера наступило волшебство. Темноту пронзили яркие огни светового шоу. Пятиминутный танец света и металла превратил Эйфелеву башню в искрящуюся драгоценность.

Маргарит чувствовала присутствие Вэлента каждой клеточкой тела. Он стоял рядом. На расстоянии вытянутой руки.

— Ты знаешь, — начала она, глядя на огни, — я всё время думала о том, кто я теперь. В Бостоне я была просто Мегги, дочь Сьюзен, сестра Роберта. А рядом с вами… я становлюсь кем-то другим. Частью чего-то огромного. Это пугает.

— Пугает? — переспросил он.

— Немного. Но ещё больше пугает мысль, что я могу это потерять.

Вэлент взял её лицо в ладони, заглянул в глаза.

— Как можно потерять то, что у тебя в крови, — сказал он твердо. — Ты принадлежишь роду Вит.

Она хотела ответить, но он тут же отпустил в своей манере. В этот момент официальная часть шоу закончилась. Баш-

ня замерла, погружаясь в полумрак.

Но Вэлент и Себастьян переглянулись. Короткий, едва уловимый взгляд — и Маргарит вдруг почувствовала, как воздух вокруг стал плотнее. Точно так же, как тогда, в спортзале Марселя или на озере.

— Смотри, — шепнула Мария, сжимая ладонь жениха.

Вэлент взял руку Маргарит. И тогда началось настоящее волшебство.

С подножия башни в небо взметнулись огни. И они увидели, как от Вэлента и Себастьяна тянутся тонкие, светящиеся нити. У Вэлента они были бело-фиолетовыми, сотканными из грозовой мощи. У Себастьяна — мягкими, золотисто-зелёными, похожими на побеги живого света.

Эти нити тянулись ввысь, к первым искрам фейерверка. Они не просто зажгли огни — они держали их, направляли, творили.

Белые огни сплетались в огромный светящийся букет, распускающийся над их головами. Красные вспышки сменяли белые, и в этом танце не было ничего случайного.

А потом у девушек стало сбиваться дыхание.

Из сплетения огней начала формироваться фигура. Огненная птица. Исполинская, с размахом крыльев, закрывающим полнеба, она вырвалась из фейерверка и устремилась вверх. Маргарит видела, как бело-фиолетовые нити Вэлента создают каркас, её мощь и форму, а золотисто-зелёные нити Себастьяна оплетают этот каркас, давая ему жизнь, цвет,

переливы перьев. Птица приблизилась, описала круг вокруг башни, и в этом полёте было столько грации, что у Маргарит на глаза навернулись слёзы. На одно короткое мгновение огромная голова с горящим глазом оказалась прямо напротив них, словно признавая творцов. А потом птица взмыла ввысь и медленно растворилась в ночном небе, и небо расцвело цветами, меняющимися узором во мгле тухнущих огней, словно шельф не прекращающейся сказки.

Вокруг аплодировали.

— Как вы это делаете?! — выдохнула Маргарит.

Мария, стоявшая рядом, сияла:

— Мои цветы, а феникс Вэла! — ответил за неё Себастьян, подходя и обнимая жену за плечи.

Вэлент молчал. Смотрел в небо. Туда, где растворился феникс. Его лицо было спокойным. Но глаза… В них было что-то, чего Маргарит не поняла. Пока. Он не сказал ни слова. Но она почувствовала: это не просто красиво. Это — важно. Это — про него. Про то, что будет. Скоро.

— Спасибо, — тихо сказала Маргарит, поворачиваясь к Вэленту. — Это было... восхитительно.

Вэлент улыбнулся — той редкой, тёплой улыбкой, которая была только для неё.

В этот момент Себастьян подошёл, и они с Вэлентом обменялись ещё одним коротким взглядом. Вэлент глубоко вздохнул и достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бархатную коробочку. Себастьян сделал то же самое.

— У нас с вами всё идёт немного не по традиционному сценарию, — начал Вэлент, и голос его чуть дрогнул.

— И некоторые важные этапы были упущены, — подхватил Себастьян.

Они открыли коробочки одновременно. В свете угасающих огней Парижа блеснули два кольца.

Себастьян опустился на одно колено:

— Мария Де-Вит, я хочу, чтобы ты оставалась моей невестой и стала супругой.

Мария ахнула, прижав ладони к губам. Глаза её наполнились слезами. Она протянула ему левую руку, и Себастьян надел кольцо ей на палец.

Вэлент шагнул к Маргарит. Он не опускался на колено — в этом не было необходимости. Он просто стоял перед ней, глядя в самую глубину её души.

— Маргарит Де-Вит, — произнёс он тихо. В его глазах была тоска. Глубокая. — Я прошу тебя… останься моей женой. Не по контракту. Не по расчёту рода. Потому что в тебе — жизнь. И жизнь — впереди.

Он помолчал. Смотрел на неё.

— Я не могу дать тебе большего. Пока. Но это — всё, что у меня есть.

Маргарит не поняла. Но приняла. Потому что в его глазах была тоска. И что-то ещё. Может — надежда. А может — прощание.

Они поцеловались. Под мерцающими огнями Парижа.

Прогулка по парку затянулась до позднего вечера. Они шли по аллеям Марсова поля. Держались за руки. Молчали.

Себастьян предложил зайти в клуб, но Маргарит, заметив тень усталости в глазах Вэлента, мягко отказалась. Проводив сияющую Марию и довольного Себастьяна до их отеля, Вэлент и Маргарит вернулись в «Лютецию».

Глава 13. Нежный «Купидон»

Вэлент сидел на краю кровати, всё ещё в рубашке, и смотрел на неё. В полумраке его глаза казались не синими, а почти чёрными, глубокими, как та вода в багдадском озере. Он не двигался, просто смотрел, и в этом взгляде не было той настороженности, что она привыкла видеть. Было что-то другое. Голод? Нет. Скорее жажда.

— Иди сюда, — сказал он тихо, и это не было просьбой.

Она подошла. Медленно, чувствуя, как с каждым шагом воздух между ними густеет, становится плотным, почти осязаемым. Когда она оказалась рядом, он взял её за руку — не за пальцы, а за запястье, большим пальцем нащупывая пульс.

— Слишком часто бьётся, — констатировал он спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась скрытая сила. — Волнуешься?

— Да, — ответила она честно и сердце колотилось где-то в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.